

девала прямо поверх рубашки. За это она заслужила похвалу и мужа и всех тех, кто не знал, что из двух дьяволов, которые ее соблазняли, она отдала предпочтение тому, который был посильнее. Так и жила эта молодая дама, лицемерно рядясь в одежды добродетельнейшей из женщин, а сама в это время предаваясь неистовым наслаждениям, перед которыми все доводы разума и совести становились бессильны и которые не знали границ.

Сеньор д'Аванн был еще очень молод и не отличался крепким здоровьем. А тут он стал бледнеть и худеть и до того изменился в лице, что и без маски его нелегко было узнать. Однако безумная любовь, которую он питал к этой даме, до такой степени подчинила себе все чувства его и помрачила ум, что он, не рассчитав свои силы, стал вести такую жизнь, какой, пожалуй не выдержал бы и Геркулес. В конце концов он заболел, – и так как его возлюбленная больше всего хотела, чтобы он был здоров, она посоветовала ему просить хозяина, чтобы тот отпустил его домой к родителям. Хозяину было жаль расставаться с таким отличным конюхом, но он все же согласился, взяв с д'Аванна слово, что, как только он поправится, он снова вернется к нему на службу. Но сеньору д'Аванну достаточно было пройти одну улицу, чтобы очутиться в доме своего названного отца. Придя туда, он застал дома только его добродетельную жену, чье чувство к нему за время его отсутствия нисколько не изменилось. Когда же она увидела, как бедный д'Аванн за это время исхудал и побледнел, она не могла удержаться и сказала:

– Не знаю, монсеньор, успокоилась ли ваша совесть, но выглядеть после этого путешествия вы лучше не стали. И я склонна думать, что больше всего повредили вам ваши ночные странствия. Ведь если бы вы даже отправились пешком в Иерусалим, вы бы вернулись оттуда загоревшим и не были бы таким худым и бледным. Довольствуйтесь же этим уроком и не чтите таких святых, которые, вместо того чтобы воскрешать мертвых, сводят в могилу живых. Я бы сказала вам кое-что еще, но если даже вы и согрешили, вы за это достаточно наказаны, и я не хочу приносить вам еще новые огорчения.

Услыхав эти речи, сеньор д'Аванн опечалился и смутился.

– Сударыня, – ответил он, – мне приходилось слышать, что за грехом всегда следует раскаяние. А теперь Вот я испытал это на самом себе и прошу вас простить меня. Я ведь молод, а молодость не верит ни в какое зло, доколе сама его на себе не испытает.

Тогда благоволившая к нему дама начала говорить с ним ласково. Она уложила его в мягкую постель, и он пролежал у них две недели. И кормить его стали так, чтобы силы поскорее к нему вернулись. И оба, муж и жена, неустанно пеклись о его здоровье, всячески старались чем-либо его развлечь и по очереди дежурили у его постели. И хоть он и натворил безрассудств, о которых вы уже слышали, и в свое время не внял совету доброй дамы, она продолжала все так же любить его высокой и чистой любовью, ибо не теряла надежды, что в конце концов вся эта бурная жизнь ему наскучит и ему захочется тихой привязанности, и тогда сердце его будет принадлежать только ей. И все эти две недели, пока он жил у них в доме, она столько с ним разговаривала о добродетели и любви, что он начал уже приходить в ужас от совершенных им безумств. И глядя на ту, которая красотой своей превосходила его безрассудную подругу, и начиная все больше ценить достоинства ее и обаяние, он не выдержал и как-то раз, когда было уже совсем темно, откинув всякий страх, сказал:

– Сударыня, чтобы направить себя на стезю добродетели, как вы этого хотите и как мне советуете, я хочу, чтобы сердце мое прониклось любовью к этой высокой цели, и посему молю вас, сударыня, не откажите мне в своей помощи и будьте милостивы ко мне!

Очень обрадованная тем, что слышит, дама сказала:

– Даю вам слово, монсеньор, что если вы действительно будете любить добродетель так, как надлежит любить ее человеку столь высокого звания, как вы, я буду помогать вам в этом всеми способностями, которые мне даровал господь.

– Так помните же, сударыня, о вашем обещании, – сказал сеньор д'Аванн. – Не забудьте также и **то, что** господь, в которого человек может только верить, ибо никогда его не видел, сам облекся в грешную плоть, чтобы мы, люди, могли полюбить его за то, что он человекен, и тем самым дух наш мог постичь всю его божественность. Дав всем нам узреть живую плоть, он внушил нам любовь к незримому. Так вот и добродетель, которую я готов любить до конца моих дней, сама по себе незрима и познается лишь через внешний мир. Поэтому ей и надлежит облекаться в некую материальную форму, дабы люди могли узреть ее. Так оно и случилось, она приняла ваш образ, как самый совершенный на свете. Вот почему я почитаю вас не только женщиной добродетельной,